

Библиотека
новогреческой
литературы

Димитрис Ноллас

Страсть писателя

Библиотека новогреческой литературы

Димитрис Ноллас

**Страсть писателя. Повесть
и рассказы разных лет**

«Алетейя»

Ноллас Д.

Страсть писателя. Повесть и рассказы разных лет / Д. Ноллас — «Алетейя», — (Библиотека новогреческой литературы)

ISBN 978-5-00165-001-0

Книга представляет собой антологию прозы современного греческого писателя и сценариста, лауреата многочисленных греческих и международных премий, Димитриса Нолласа (род. в 1940 г.). В сборник вошли рассказы разных лет и повесть «После кораблекрушения» (2009). Краткие и пронзительные, рассказы Нолласа формой своей часто напоминают журналистские заметки – всегда сконцентрированные на судьбе конкретного человека в конкретный момент жизни.

ISBN 978-5-00165-001-0

© Ноллас Д.
© Алетейя

Содержание

Предисловие переводчика	5
Place Madou	7
Овечья купель – Вифизда	9
Страсть писателя	12
Бонус	16
Стратегия скуки	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Д. Ноллас

Страсть писателя. Повесть и рассказы разных лет

Предисловие переводчика Чужие истории Димитриса Нолласа

Повествование Нолласа «зиждется на двусмысленности, упирающейся в загадку и промежуточное господство фантазмагии. Раздраматизированное, острое и поэтическое, как зачатие и осуществление, оно пронизано особым юмором, диким и едким, горьким, чёрным, нередко вводящим гротеск в сердце трагедии. Оно опирается на разрушительную, но неосознанно нежную иронию в отношении всего человеческого и роли удачи и рока в ударах судьбы. Наконец, его повествование всегда глубоко пропитано политикой, обосновано историей, соответствует времени и творческому пути писателя, но в то же время оно существует вне времени, подкреплённое впечатлением, что хорошая проза измеряется уровнем своего воздействия на читателя».¹ В многочисленных интервью, статьях о Димитрисе Нолласе, речах, посвящённых присвоению ему литературных премий, неизменно говорится о его ценном вкладе в сокровищницу новогреческой литературы. Мне оказана большая честь познакомить русского читателя с его творчеством.

Димитрис Ноллас родился в 1940 г. в Северной Греции. С началом войны его семья переехала в Афины, и этот город стал для Нолласа родным, без которого, по его собственному признанию, он себя не мыслил. Ноллас изучал право и социологию в Афинах и Франкфурте-на-Майне. Долго жил и работал в Париже, Брюсселе, Буэнос-Айресе и Амстердаме. Рано начал участвовать в проектах на телевидении и остался там на всю жизнь в качестве репортёра, консультанта, сценариста. Сценарное мастерство занимает ключевое место в творчестве Нолласа уже больше тридцати лет, с ним в соавторстве работали ведущие режиссёры Греции, такие как Эвфимиос Хадзис, Никос Панайотопулос, Теодорос Ангелопулос, Фотос Ламбринос, Пантелис Вулгарис. Несколько лет Ноллас также преподавал кинодраматургию в университете Пантеон в Афинах. В настоящий момент он работает над сценарием к фильму о Каподистрии в соавторстве с кинорежиссёром Яннисом Смарагдисом (должен выйти на экраны в 2021 г.).

Литературная деятельность Нолласа началась в 1974 г., когда он издал свою первую повесть, «Афинскую русалку». За ней последовали сборники рассказов «Поликсена» (1974 г.), «Нежная кожа» (1982 г.), «Мне снятся друзья» (1990 г.), «Мутные стёкла» (1996 г.), «Старый враг» (2003 г.), «На земле» (2012 г.).

Один рассказ, опубликованный в сборнике «Мне снятся друзья», называется «Истории всегда чужие». Это высказывание живёт с Нолласом в разные годы, то и дело проявляясь в том или ином его рассказе. Фабула повести «После кораблекрушения» тоже построена на этом размышлении. Лирический герой записал то, что рассказал ему другой герой, а тот услышал это со слов третьего. В повествование то и дело внезапно вторгаются нарративы четвёртого и пятого персонажей. Автор скромно оставляет за собой роль репортёра, который лишь записывает истории, рассказанные и прожитые другими, руководствуясь их восприятием, опытом и чувствами. Отсюда возникает ощущение неизменной фрагментарности повествования – мы получаем лишь то, что тот – другой, чужой, третий – запомнил и рассказал. Фрагмен-

¹ Цитата из послесловия филолога Т. Димитрулии к полному собранию рассказов Д. Нолласа «Истории всегда чужие. Рассказы 1974–2016 гг.» Афины, Икарос, 2016 г., сс. 516–517.

тарность изложения как следствие постмодернистской неопределённости и повышенное внимание к деталям, будь то огонёк сигареты, складка и материал пальто, размер листка бумаги, чуть заметная улыбка (тут выдаёт себя любовь Нолласа к сценарной работе в кинематографе!) – вот, в этом, пожалуй, заключаются главные особенности его стиля.

Что же касается тем его прозы, то главной и пронзительной темой творчества становится осознание себя дома и вне дома. Грек ты в Германии и Бельгии или иностранец в Греции, крестьянин ты в городе или горожанин в деревне. Как ты относишься к другим, как другие воспринимают тебя, кто ты, в конце концов – определяешь ты это сам или другие на самом деле отождествляют тебя с самим собой, а через других происходит и твоя самоидентификация. Сейчас эти темы особо актуальны и популярны в мировой литературе и публицистике – но в творчестве Нолласа они появляются рано, с первых рассказов 1970-х годов, словно предвестники больших дебатов и больших перемен в европейской жизни. Думаю, эту особенность имеют в виду критики, когда говорят, как цитировалось выше, что его творчество глубоко политично и исторично, «соответствует времени... но в то же время существует вне времени».

Судьба настоящего сборника особая. Знакомством с греческим писателем Димитрисом Нолласом я обязана своему учителю Ирине Игоревне Ковалёвой (1961–2007). Перевод Нолласа был её идеей, её мечтой. «Это очень хороший писатель, Анечка», – сказала она только. Незадолго до смерти, передав мне единственный рассказ, который она успела перевести («Кутья на земле»), она попросила меня взять на себя и завершить этот проект. Этот рассказ, конечно, включён в настоящий сборник. Я благодарна Ирине Игоревне за эту встречу, как и за многое другое, ибо Димитрис Ноллас оказался не только ярким человеком, но и действительно первоклассным писателем. Дружба наша длится уже не одно десятилетие, и работа над переводом его текста стала подлинной филологической радостью. Я только прошу прощения у него и у Ирины Игоревны, что проект наш в силу разных жизненных обстоятельств затянулся и отнял больше времени, чем мы все того хотели, а настоящий сборник выходит тринадцать лет спустя после смерти Ирины Игоревны. Мне кажется, что заголовок «Страсть писателя», который получила наша книга от названия рассказа, опубликованного в 1990 году, как нельзя лучше отражает не только живую натуру и литературный стиль Нолласа, но и особенно свойственную его прозе метапоэтику.

Проза Димитриса Нолласа давно переведена на английский, французский, немецкий, итальянский, сербский, болгарский, чешский, албанский, арабский языки. Пришло время и для русского читателя. Настоящая подборка рассказов представляет собой попытку продемонстрировать творчество автора на протяжении всего его большого пути, а потому я выбрала рассказы из публикаций разных лет, а также и жанров – шестнадцать рассказов сопровождаются повестью «После кораблекрушения». Покоряясь морской метафорике, пронизывающей испокон веков греческое мировоззрение вообще и прозу Нолласа в частности, я обращаюсь к этим переводам и желаю им счастливого плавания и попутного ветра!

*Анна Новохатько
Афины, осень 2019 г.*

Place Madou

Йоргосу Воцису

Он принял меня тепло и вежливо. Поднялся, чтобы сопроводить от двери до кресла рядом с письменным столом. Ряд ежедневных механических движений. Он поднял телефонную трубку, принесли кофе. Сигарету, молоко? Да. И сахар. Он вытащил папку, положил перед собой, с одобрением вспомнил пару наших общих знакомых. Введение, с которого он начал, было средним по длине и стандартным. Пару раз он выразил восхищение греческой культурой, заявил о ненависти к тиранам, пожелал стойкости в тяжёлой борьбе, которая всем нам предстоит, и посетовал, как ужасна диктатура. Мы здесь, вдалеке от зол, обязаны поддерживать вас как и чем можем («чем» прозвучало сильнее, чем «как» – впрочем, он не настаивал). Загорелась зелёная лампочка, я выпрямился и поставил чашку на стол. На рукаве от локтя и выше – перхоть. О нет, опять? Опять?.. У нас в комнате не было горячей воды – временно – и вот в последние дни я не мог часто мыть голову. Но вчера вечером, ввиду сегодняшней встречи, я это сделал у Марины с особым усердием, я почти до крови расцарапал голову, и – на тебе! – с утра она уже тут, зараза, мелкая и белая. Я слегка поёрзал в кресле, вытащил носовой платок из заднего кармана и резким движением поводит по руке туда-сюда, убирая белый налёт. Результатом было то, что папка моя с колен соскользнула на пол, а собеседник остановился в середине своего монолога. Речь у него шла о единении сил в борьбе с диктатурой, и он освещал необходимость такого единения со всех сторон. Он дал мне время поднять бумаги с пола и продолжил. Выставил себя на посмешище! Я даже покраснел. Не то чтобы меня волновала моя перхоть в связи с этим человеком – чёрт с ним и с его словесным поносом! – но меня безумно раздражает ощущение отслоившихся частичек кожи на одежде. Всю дрянь, которую рекламируют, я перепробовал одну за другой, и не те средства, о которых пишут на стенах и по телевизору, нет, другие, хорошие, которые продаются только в аптеках. Но ничего её не берёт. Напоминает о маме, когда она била меня по спине, чтобы отряхнуть от бледного конфетти, настолько перхоть была крупной. Как конфетти тех времён, когда я не хотел, чтобы ко мне прикасались женские руки. Он посмотрел на меня, закончив фразу «неспá?». У меня была возможность выбора между признанием и отрицанием, быстро и решительно я произнёс, что, конечно, так и есть. Анализ его продолжился теперь в области равновесия страха между супердержавами. Я почувствовал, что силы мои на исходе. Я оставил дома ребёнка с температурой и в соплях. День вообще не задался. Араб в трамвае хотел высадить меня, потому что мне не хватало одного франка на билет, я, как безумный, обыскал все карманы, я же посчитал перед выходом – было ровно восемь франков, целый трамвай на тебя смотрит, и выглядел я ухоженно, свежесбривший перед встречей, что только увеличило волну брани. Но и это оказалось песчинкой в сравнении с пронзительными взглядами, которые я ловил на себе потом, особенно спиной, после того как араб-придурок громко позволил мне остаться и оторвал билет. Впервые в жизни я ощутил уважение к гадам-сионистам, в первый и, наверное, в последний раз. Теперь я в любом случае пойду домой пешком, только бы вот этот поскорей закруглялся. В моей коллекции – уже три года как – его тип представлен обстоятельно. Адвокат или университетский, лет сорока, член комитетов по защите прав тех, кому угрожают, против тирании, в предвкушении политической карьеры, с которой никак не клеится (бедный, на нас надеешься? – мы фактор нестабильный), он постоянно обращается к общему плану, а ты его всё время толкаешь к обычному, банальному, повседневному. Ялтинское соглашение, мой милый, утвердило то, что и так уже было реальностью, вы его, конечно, не помните. Нет-нет, я стараюсь говорить громче, я его помню, хорошо помню, я родился во время войны. И тут я увидел край пятисотфранковой купюры в углу у него под столом. Автоматически меня охватило чувство вины,

как будто я уже положил её себе в карман, в то время как я раздумывал, что, когда я открою рот, надо бы или сказать – у вас под столом бумажка в пятьсот франков, или вступить в разговор о Ялте. Позиция, говорю, которой вы придерживаетесь по Ялте, антиисторична и фаталистична. Я, отвечает он с готовностью, очень хорошо понимаю, куда вы клоните, но посмотрите, насколько определяющие и разрушительные последствия это имело для вашей страны. Говори теперь, сколько хочешь, я принял решение, наверно, уже тогда, когда почувствовал угрызения совести. Эта бумажка в пятьсот франков, она твоя, заорал я. Про себя. Видишь, нет запатентованного языка власти, Панайотис Канеллопулос, я делаю со словами, что хочу.² Как и с пятисотфранковой бумажкой, которую этот тип не заметил, пока разглагольствовал об истории. Он безмятежно продолжал. Меня занимало, как дотянуться до купюры. Завязать шнурки – простой и проверенный трюк, глупость. На мне были полуботинки, и они не давали никакого повода разойтись, я, с тех пор как вошёл в кабинет, не шелохнулся. Смешно было и снова бросить папку на пол. Я отчаялся. Представил себе, как внезапно я падаю в обморок, так, для виду, как я оказываюсь распластанный на полу, издаю стон, выдыхаю, вращаю белками, и, пока он подойдёт посмотреть, что со мной случилось, засовываю купюру в карман. Я отвожу от него взгляд, устремляю его на другую сторону стола, на придуманную купюру, и говорю ему, я думаю, у вас под столом бумажка в пятьсот франков. Пока он осознал это бессмысленное прерывание, я наклонился, поднял её и кричу, вот, вот, думаю, я её вижу. Не теряя хладнокровия, он не поменял положения, только наклонился и посмотрел на меня снизу вверх из-под стола. Я, говорит, вас не понимаю. Вон, там, говорю я уже спокойнее и менее уверенно, кажется, я видел купюру. Он с вывернутой головой изучал пол перед собой, отодвинул ноги и стул и заметил, находясь в этом неудобном положении, вы, наверно, ошиблись, и вежливо мне улыбнулся. Да, ошибся, говорю и я, стоя на коленях, и тоже вежливо ему улыбаюсь. Мы вернулись на свои места, оба в себе уверенные. Он закончил беседу обещанием сделать всё возможное, найти что-нибудь, имеющее отношение к моей профессии, но кризис, дорогой мой, кризис, это будет нелегко, посмотрим. В дверях он сказал, здесь ужасная погода, вот были бы вы сейчас у себя на родине, там рай. Что ж делать, говорю, обстоятельства, мы пожали руки и улыбнулись друг другу, он говорит – я об этом позабочусь. В киоске я купил две пачки сигарет и газету, долго ждал трамвая, слава Богу, было что почитать, потому что я опять забыл спички. Я взбежал наверх, перепрыгивая через три ступеньки, чувствуя угрызения совести и сдачу с пятисотовой в кармане, что с ребёнком, температура есть? Не надо так, мой дорогой, это не страшно, дети всегда болеют, это пройдёт. Ну что за паника. Конечно, дети всегда болеют. Конечно, это пройдёт. Разве нужно так сходить с ума при одной мысли о температуре? Мы могли бы позвать врача, он дал бы ему лекарство, антибиотик, что-нибудь, чтобы я мог заняться работой без приступов кошмара о болезни ребёнка и этих крайностей моего поведения.

1974 г.

сборник «Поликсена»

² Панайотис Канеллопулос (1902–1986) – политик, историк, социолог, правовед; дважды занимал пост премьер-министра Греции (1945 г. и 1967 г.), одна из ключевых фигур в Греции после падения режима «чёрных полковников».

Овечья купель – Вифизда

На повороте пыльной дороги, едва лишь показались первые дома, вдруг образовались облака, и темнота вступила в свои права раньше времени. Падали первые тяжёлые ноябрьские капли, когда автобус позабытого маршрута высадил нас на деревенской площади. Анфи сломала каблук на последней ступеньке и схватилась за мою руку, чтобы не упасть. Я подумал, что она подвернула ногу, и испугался своей беспомощности. Не снимая туфли и опираясь на моё плечо, она оторвала каблук и положила его в карман, приговаривая, что должен же найтись сапожник в этой деревне. По дороге к кофейне мы пропустили вперёд трёх крупных коров, запоздало бредущих с пастбища. В дверном проёме слабые тени за спиной и глубокое молчание, нас разглядывают редкие посетители, кроме местного полицейского, уткнувшегося носом в газету. Я говорю «Добрый вечер», воцаряется нарушенный было порядок, а взгляды окружающих вновь наполняются равнодушием. Анфи снимает мокрую куртку и встряхивает чёрными блестящими волосами, потом наклоняется, осторожно подносит ладонь к глазам и уверенным движением вынимает контактные линзы. Улыбается мне, легко присаживается на стул и только сейчас в первый раз изучает внутреннее убранство кофейни нежным мутным взглядом. Хозяин возникает из бормочущей беседы, и я хочу заказать горячий чай Анфи и коньяк себе. Анфи, конечно, скажет: «Дорогой мой, ты в автобусе выпил полбутылки, разве не хватит?» Но Анфи говорит: «Я думаю, я возьму коньяк», и я заказываю два. Хозяин приносит нам два стакана со словами «Непогода, да?» и стоит ждёт, пока мы попробуем его открытый коньяк из бутылки с семью звёздочками. Выпив последнюю каплю, она громко спрашивает: «Дом Георгици здесь недалеко?», обращаясь ко всем, и на нас снова все смотрят, как прежде в проёме двери. Хозяин наливает ей в стакан ещё, полицейский медленно сворачивает газету, а тот, кто сидит у печи, говорит: «Он в Афинах по делам». У всех в глазах застывает вопрос. Хозяин произносит: «Может, завтра...»

Впереди кто-то: «Или послезавтра». Полицейский пожимает плечами, остальные открывают и закрывают рот, а я говорю, что мы знаем, потому что он дал нам ключ, и что мы на несколько дней. «Налево по улице до конца, последний дом», – говорит старик за соседним столиком, и коньяк поднимается противным комом у меня в горле, а старик поднимается и уходит, стуча деревянными туфлями, острые носы которых торчат из-под брючин. Я переворачиваю стакан на столе вверх доньшком, а Анфи, не глядя на него (или ты только делаешь вид?), ласково гладит ладонью мою руку и говорит: «Ну хватит. Пожалуйста!» Коньяк оставил на дереве пятно, и хозяин произносит: «К счастью!» пытаюсь улыбнуться чёрной расщелиной на лице и вновь наполняя стаканы. Анфи достаёт из дорожной сумки пару обуви и снимает испорченные туфли. Тип с кудрявыми волосами, делающий вид, что считает свои пальцы с того момента как мы вошли, спрашивает: «Показать вам дорогу?» В то время как глаза его разрезают юбку Анфи, становятся руками, которые блуждают по её бёдрам, он добавляет: «Сюда то и дело приезжают гости. Друзья Георгици... Приятные люди». Каждое слово его нежится, как улитка, на шелковистой коже Анфи, которая достала и надела очки, строго посмотрела на него и сказала: «Красивая у вас деревня», а глаза её расширились под линзами. И я её люблю. Что нам нужно от этого места, похожего на склад? Вот вчера... Где мы были вчера с электронной музыкой и сладким вином, табаком и вкусом цемента в венах? Ты меня нашла, исходив столько ступенек, и вот привела меня сюда? И едва увидев меня, сказала: «Я хочу отпраздновать, мой дорогой, скоро ты достигнешь возраста... (разбились стаканы в баре, и слово осталось неразборчивым) Ты об этом подумал? Ты на перепутье, мой дорогой!» И я услышал свой собственный голос: «С тобой вместе в ад» и поставил стул (хотел на барную стойку, но официант воскликнул: «Разобьёшься!») – поставил стул на стол, поднялся и заорал: «Я люблю её, я её люблю!», пока не упал, как пустая бутылка, катящаяся по ступенькам, и ты меня обняла.

«Убежим!!» – ты держала моё лицо в своих руках. «Может, всё снова будет, как прежде», – сказала ты.

Мы поднимаемся в темноте. Промокли. «У него в подвале должны быть дрова для камина». Она ничего не говорит, идёт по скользким камням и в этот раз не держится за меня. «Главное, чтобы они были сухие», – добавляю я, а думаю про себя, что это была за мысль приехать сюда, и что я чувствую себя мебелью, которую хотят поставить на прежнее место. И эти последние страницы, которые меня изводят и не кончаются, и что мы всё это начинаем снова и снова, а ничего не остаётся, кроме обрывков, и не кончается. И не возвращается на своё место. «Осторожно, яма!» Мы свернули с каменистой дорожки на заросшую поляну, ведущую к дому. Его чёрные стены сливаются с ночью, видны только контуры деревянного балкона. И её лицо. Как светлая река. Ноги увязают в болотистой земле. Боже мой, где же весна с красной землёй, утопающей в жёлтом, в синем и в запахах? Ключ не поворачивается в замочной скважине. «Зажги, пожалуйста, спичку, я посмотрю». Пробую влево, вправо, внутрь, назад, трясу кривую дверь, всё впустую. «Зажги, чёрт подери, спичку, в конце концов!» «Не кричи. Всё мокрое.» Ветер меняется, и дождь обливает нас, как из ведра. Руки мои нервно дрожат, и, быть может, поэтому и дверь не открывается. Я хочу её сломать. Где мы? У меня за спиной не видна даже линия гор. Исключено. Это не может быть тот дом. Наверно, мы ошиблись деревней. И ещё мелодия прицепилась с тех пор, как мы вышли из кофейни. Нет, ещё раньше, как вышли из автобуса. Нет. Ещё со вчерашнего дня. И этот подлец Андреас сказал ей: «Поздно. Делай как знаешь», когда Анфи всё ему раскрыла. Слыхали? Делай как знаешь. Я её убью. А с самого рождения чем мы занимаемся? Никого не будет... «Ну давай скорей, у тебя получается с дверью?» «А что ты ждёшь, что я скажу сим-сим откройся?» «Наверно, он от другой двери». Мы обходим дом кругом, и вода льёт ручьём. Я проваливаюсь по колено в лужу и боюсь задохнуться. Мы задыхаемся. Вот так, перед тёмным и негостеприимным домом. Сейчас вода будет лить на нас, словно опустошают цистерны, резервуары, тонны воды, непрерывно, и мы не успеем вздохнуть и задохнёмся, задохнёмся, не проронив ни звука. А вода... словно оледеневшая рука на плече.

Ключ подходит к боковой двери, ведущей на площадку, выложенную угловатой плиткой. Нащупав узкий коридор, мы оказываемся в гостиной и, осторожно ступая, бродим по мебельному лабиринту. Не хватает только часов с маятником, которые вдруг начинают неугомонно бить. «Андреас знает, что мы здесь?» – спрашиваю я и тут же жалею о своих словах. «Не говори со мной в темноте... Где у него лампы?» Она наткнулась на стул, и на пол упал медный сосуд. «Сейчас начнут падать кирпичи!» Кажется, я начинаю хохотать. По крайней мере, мой рот кривится. «Какая-то должна тут стоять... Ау! Колдовской сундук!... Где же лампа, он сказал, она должна стоять у двери?» «Представь себе, он за нами следил, и заявится сейчас с отрядом полиции, он уведомил и Левки, и сейчас они придут все вместе, с собаками, факелами, криком и лаем...» «Прекрати уже! Ты стал невыносим». Сухой спичкой она зажигает лампу и ставит её на камин. Убранство дома вымученно деревенское. «Ты слышишь? Они идут!» «Ты не знаешь, что говоришь... Ты голодный?» «Нет». «Не садись на мокрое, – говорит она и вытаскивает из сумки сухие вещи, – в других комнатах наверняка холодно. Будем спать здесь». «Я принесу дрова». Когда я вернулся, она, уже переодевшись, с волосами, завернутыми в белое полотенце, расположилась на полу с красным покрывалом на плечах, с сигаретой, и рассматривает комнату. Она говорит: «С тех пор как этот человек делает чугунные трубы, он наполнил дом предметами искусства». Огонь разгорается, я стою на коленях перед ним и не могу на него смотреть. «А у меня дома есть Партенис, что мне с того?» – тихо спрашиваю я. Поленья трещат, заглушая её лёгкие шаги. Она садится рядом со мной на одеяло и говорит, обратив лицо к огню. «Если бы ты был всегда рядом. Держал бы меня крепко и не отпускал – Боже, как же я этого хочу, – потому что я тебя люблю, и гори всё огнём... и я так хорошо тебя знаю... С первого мгновения, когда я дрожа прикоснулась к тебе, а ты посмотрел на меня вот этими

неразумными глазами подростка». Я перекачиваюсь к ней ближе, и она ласково улыбается (это огонь или её лицо?), и кончики её пальцев впиваются сосновыми иглами в меня, когда я прижимаюсь к её груди, глаза её ласкают моё тело, и ноги-ветки переплетутся с моими, обвивая, и я их больше не отличу от моих, и кора дерева лопнет, выступит смола, они загорятся и упадут в безязыкий шум пепла.

1982 г.

сборник «Нежная кожа»

Страсть писателя

Всё ужасное, всё печальное, что происходило со мной за последние годы, всегда начиналось со знаков неотвратимой катастрофы – в отличие от известных историй, детективных и прочих, где сперва все элементы драмы погружены в стихию беззаботности, даже блаженства, так что уже в середине истории оболыщённый читатель внезапно оказывается эмоционально безоружным перед драматическим процессом. Для меня, и, как я хочу верить, для большинства, сюрпризы такого рода давно перестали существовать. Я заранее знаю, что буду пить, достаточно одного взгляда на бутылку. Последнее моё, в буквальном смысле слова, приключение было самым ярким доказательством моей сделки с судьбой, с признаками катастрофы. Дело было так.

Я живу в Лондоне и уже десять лет как работаю в бухгалтерии «Шип энд Шипинг Компани», куда меня взяли после довольно непутёвого изучения экономики. Здание компании, трёхэтажный особняк в георгианском стиле с толстыми стенами и мансардой, идеально обустроенной для заседаний руководства, находится на Эбби-Роуд прямо напротив паба «Зубы льва», где когда-то два бандита, переодетые в террористов, убили третьего. В этом пабе я обычно пропускаю несколько стаканчиков после окончания рабочего дня, перекидываясь словом со спешащими посетителями – торопящимися не потому, что они хотят как можно скорее уйти, а потому что хотят успеть побольше выпить до ухода – и встречаая всякий раз, как предоставляется возможность вставить слово. Паб, чтобы оправдать своё название, украшен выпотрошенными головами животных – трофеями охотничьего гнева мистера Яна времён его пребывания в Кении, – и в нём расположен громадных размеров ряд зубов, выставленный на всеобщее обозрение, представляющий собой нижнюю челюсть льва. Зеркало за бутылками бара утраивает убитому льву ряд зубов, всякий раз, как мистер Ян, показывая свои собственные зубы, утверждает: «Этого льва я убил своими руками».

В тот августовский день в таком вот окружении, когда смешанный запах пива, джина и сидра придаёт кислотоватый привкус свежести сумерек, я наслаждался ледяным напитком с негой, которая всегда сопровождает предпоследний стакан, как вдруг Бенни вошёл в паб. Не вошёл, а возник. В тот момент я скользнул взглядом по автоматическому фонографу, увидев его – я готов поклясться, что ещё недавно его там не было! – одетого в синий бархатный костюм и небрежно облокотившегося на бледный розово-зелёный прибор. В одной руке у него был бокал, в другой – вечерняя газета, которую он скорее мял, чем читал. Когда встречаешься с Бенни, знаешь, как будут разворачиваться события. Он пересекает широкую проезжую дорогу, чтобы поздороваться с тобой после всех твоих напрасных уловок уклониться, и ты знаешь, что опоздаешь на поезд, на встречу, пропустишь такси. Я знал это, когда увидел его. Как и знал – с первого знакомства, как только мне его представили как самого «чистого» букмекера квартала – что это тот, кого любой ценой следует избегать. По меньшей мере мне. На первых порах (излишне вспоминать, что ни одно пари, которое мы с ним держали, не принесло мне ни шиллинга) я искал его общества и часами анализировал для него варианты и средства прибыли, основанные на логике и математике, он же оставался крайне безразличным и даже не пытался скрыть скуку типичным англосаксонским образом, только время от времени выдавал слегка вопросительное «Оу, йее?». Во всяком случае произошедшее между нами, а произошло всего довольно много, обрело подлинный размах в день большого ежегодного Дерби. Накануне я не ложился, проверяя баланс, где обнаружили прорехи и содержалась одна из тех мелькающих звёздочек, что витают из одного конца конторы в другой, каждые десять лет вскрывая по нарушению. По этой причине я не ложился, мыслями, правда, пребывая уже на скачках следующего дня. Одна лошадь не выходила у меня из головы и даже умудрилась сниться мне последние дни. И вот в то утро я решился на отчаянный шаг: собрал все свои сбережения, примерно

пятьсот фунтов, и сел пить кофе в одном из тех центров, где собираются мне подобные перед открытием окон приёма денежных ставок. Это была первая моя ошибка. Следствием её стал некто характерно одетый в синее с белой гвоздикой в петлице и со смрадной сигарой в руке, нависший надо мной с вопросом, не хочу ли я чая и намереваюсь ли я поставить на надёжную, «из вот этих твоих», добавил он. Достаточно вежливо я ответил «да» на вторую часть его предложения. Бенни был в азарте. Он не выдал дружеское «один из этих твоих душевно больных ослов», как частенько бывало в прошлом, всякий раз как он записывал мою ставку. Бывает так, что видишь склон и думаешь, что по нему можно спуститься. И вот я сижу, десять утра позади, возбуждённо обсуждая с Бенни «надёжных», сколько может принести одна, и сколько другая лошадь, а он говорит своё «оу, йее». Я говорил с ним так, словно бы хотел убедить его поставить на мою лошадь, в действительности же всё кончалось тем, что он брал у меня деньги за ставку. Оу, йее! В какой-то момент я встал, словно выпил уже литр, вытащил все бумаги и конверты из-под ножек стола и изпод моих ног и попрощался с ним.

«Ты куда? – спросил он. – А бабло?»

«Какое бабло? – переспросил я, хорошо понимая, что в ту минуту он мог забрать у меня не только моё бабло, но вообще что-либо ценное, что у меня имелось.

«Ставка, которую ты собирался играть», – продолжил он холодно.

«Пятьсот фунтов, которые я хочу разыграть, – ответил я сухо, но с испугом, – я поставлю в букмекерской конторе, в независимости от того, как ты к этому относишься».

«Не будь дураком, мой дорогой, – ответил Бенни, не поведя ухом, – Ты во много раз больше выиграешь, если поставишь у меня – к тому же ты мой друг».

Сказано – сделано.

Я отсчитал перед ним громадную для меня сумму с надеждой, что всему, чёрт возьми, есть пределы. Вторую половину дня я был так занят отчётом и присутствием господина ревизора, что и мысли не возникло уйти и следить за скачками, результаты которых я узнал из вечерних газет. Хладнокровно читал я второй раз подряд имя скакуна-победителя, и в то время как комок у меня в горле поднимался всё выше и давил, я понял, что разбогател на семь тысяч фунтов – моя лошадь принесла 14 к 1.

Коротко изложу заключительную часть этой грустной истории, хотя мало-мальски чуткий читатель уже догадался, что к чему. После того как я сам себя поздравил, подарил самому себе дюжину шёлковых платков, коричневую широкополую шляпу и дорогие солнечные очки, я отправился в «Зубы льва» ждать Бенни и деньги. Я был не единственный, кто его ждал. Постепенно нарастало шушуканье. Бенни то и Бенни сё, Бенни и на кошку никогда не ставил, кто-то сломал Бенни ногу с целью отомстить за пятьдесят фунтов, которые сам ему и дал, Бенни потерял свой шанс, Бенни арестовали, Бенни всё профукал, и т.д. и т.д.

Не помню, сколько я проплакал из-за такого конца, а главное, не помню, по какой именно причине. Суть в том, что спустя какое-то время я забыл о потерянном выигрыше, забыл о действительных расходах, забыл самого Бенни. И вот это всё является мне опять – вот этим августовским днём, спустя столько лет, в сопровождении одетого в синий бархат Бенни, вальяжно облокотившегося на бледный розово-зелёный фонограф и держащего в одной руке бокал, а в другой – вечернюю газету. Газету он, впрочем, скорее мял, чем читал. Он поздоровался со мной со свойственным ему видом человека успешного и так, словно мы расстались не далее как вчера. У меня не было никакой особой причины разбивать лёд, но всё же я спросил, какживают лошади. Хандру с его лица как рукой сняло, словно он долгие годы ждал этого вопроса. Он отпил глоток и, не отводя взора от моих глаз, сказал: «Знаешь, моя страсть к лошадям поутихла... Теперь я пишу истории. И не только пишу, дорогой мой, – я их продаю». Он самодовольно улыбнулся и доверительно продолжил: «Можно даже сказать, это теперь мой доход. Вот только что у меня приняли рассказ, напечатают через месяц, я уже получил гонорар. Во внутреннем кармане пиджака у меня лежит чек, так что я тебя приглашаю. Ян, дорогой, ещё

два таких точно, пожалуйста». Я не могу вспомнить, отказался ли я, но такие дела мне очень и очень не по душе. Впрочем, даже если я и отступил шага два назад, я тут же снова выступил вперёд, решив, что как я никогда не бегал от Бенни в прошлом, так и теперь не было в том никакого повода. И так, я выступил вперёд, пытаюсь угадать, какими тропами он намеревался меня водить в этот раз. Предложения он мне делает соблазнительно-грязные.

«Не спросишь, а что я пишу?» – обратился он ко мне, вернувшись из бара с двумя полными бокалами. «Ладно, это долгая история – но вот в рассказе, который я продал, сказать о чём там речь или хотя бы сюжет вкратце? Во-первых, название,» – невозмутимо продолжил он, наблюдая за моим смущением. «Он называется «Львиная доля», и там два обычных, самых обычных персонажа. Вот, как ты и я, и один съедает другого. Проще говоря – один думает, что другой его ест, а этому последнему наплевать на того беднягу, что чувствует себя жертвой. Чтобы ты понял, что происходит, назовём жертву – неправильный термин, но так уж принято, милый мой, так принято – назовём, повторяю, жертву «один», а того, другого –» другой». Рассказ, на фоне которого разворачивается действие и раскрываются характеры, – простенький сюжет о невыполнении соглашения (в данном случае речь о невыплаченном пари). На переднем плане – характер «одного», который убеждён, что тот, «другой», отобрал у него всё ценное, что у него было. И вот как-то вечером, когда они встречаются в пабе, вот как мы сейчас, и положение «одного» кажется ему совершенно безвыходным, этому «одному» кажется, что пришёл час расплаты. В чём он того, «другого», только не упрекает! Хочешь узнать, в чём он его обвинит?» – мягко спросил Бенни, в то время как я давно был цвета его газеты. «Сказать тебе одним словом? Он обвинит его во всём! Да, во ВСЁМ... Излишне говорить, что попытка эта не увенчается успехом, ибо «другой» никакого отношения к делу не имеет, как любой мало-мальски чуткий читатель уже и так понял. Так-то.»

Я выскочил из бара в полной уверенности, что зло обрело живой плотский облик. Взволнованный, мчался я по улице между автомобилями, и ничто не могло меня остановить. Мерзавец! Не хватало ещё, чтобы он и дальше надо мной смеялся. Он должен мне семь тысяч фунтов и он ещё смеётся над самым главным и тайным, что у меня осталось.

Я дрожал всем телом, пока торопливо поднимался по лестнице в свою контору, не осмеливаясь даже представить себе то, что вскоре должно было стать горькой правдой. Когда-то в минуту слабости я наверняка признался ему в своей тайной болезни. В писательстве. Я писал рассказы, которые тайком от моих знакомых предлагал в разные литературные журналы и тщетно ждал, чтобы их напечатали. И вот эта скотина надо мной смеётся. Я задыхался от страха и несправедливости, пока бежал вверх последние метры, отделяющие меня от моей конторы. История, которую он мне рассказал, – я её знал. Я не только её знал – я её закончил писать накануне. Этот рассказ написал я – клянусь чем угодно!, – и он ждал меня в ящике письменного стола, чтобы я переписал его начисто.

Не было необходимости переворачивать все ящики и передвигать мебель, пытаюсь найти то, что я давно потерял: на том месте, где должен был лежать мой рассказ, была только пара заметок, на бумажках и бумажных носовых платках, на которых я так долго собирал мой материал. Не осталось ничего. Столько сил. Бессонные ночи, сердцебиение. Гастрит. Деньги мои ты украл, ладно, но это? Я должен потребовать объяснений. Немедленно. Пока железо ещё горячо...

Я вернулся в паб под первыми каплями летнего дождя ещё быстрее, чем бежал раньше. Этот монстр был ещё там. Он отказался что-либо обсуждать, утверждал, что его оскорбляет моё поведение, точнее, мой побег – я и в прошлом много раз его подводил – короче говоря, я давно ему должен был пять фунтов, и ещё эти два напитка, которые он заказал, перед тем как я таким недостойным образом убежал. Я даже не мог схватить его за его бархатный воротник, не то что за горло с криком «Мразь!», а ему ведь снова удалось взять меня под контроль, полностью подчинив своей воле.

В тот момент, в блеске августовской молнии, я подумал, что такие истории или заканчиваются решительным ударом или не заканчиваются никогда. И наверно я показался бы щедрым и благородным, если бы, вернувшись, заплатил ему пять фунтов, которые, конечно, я ему задолжал, угостил бы его ещё одним напитком и оплатил бы те два последние, которые он выпил сам, пока меня не было.

1990 г.

сборник «Мне снятся друзья»

Бонус

А. Сурунису и тем, кто с ним играл

Шевроле пятидесятых, с изогнутыми контурами, медленно подкатил к охраннику у ворот. Нулис включил первую передачу и помахал солдату бумагой с машинописным текстом. Тот лениво поднял левую руку, останавливая нас, и в то же время протянул правую, чтобы взять бумагу.

«Начинается», – пробормотал Нулис, улыбаясь охраннику.

«А это там кто?», – спросил солдат, качнув бумагой в мою сторону.

«Мой помощник, всё в порядке».

«В порядке, да? – он нагнулся к окну. – Мне он не кажется в порядке».

«Я отвечаю», – сказал Нулис и выключил радио.

«Ну ладно». Он выпрямился и с серьёзным лицом стал изучать разрешение, которое держал в руках.

Это было разрешение с пространной формулировкой, подтверждающее, что хоть наше предприятие и не было богоугодной миссией, оно не было и ничем порочным. Самый бедный солдат мог купить в рассрочку двадцать четыре тома Большой Энциклопедии Франклина. Он подписывал контракт, платил десять долларов вперёд и через месяц получал первый том. Продолжал платить в рассрочку и, если не отчаивался на полпути, через два года становился обладателем труда, равного Британнике. После подписи и первого взноса в знак доверия он получал экземпляр Библии. Их-то мы и возили с собой, чтобы можно было хоть что-то дать в нужный момент.

Естественно, в разрешении не было ни слова, что нам позволено въезжать в военные части, но мы ссылались на тот факт, что нигде не было написано, что это нам запрещено. Нам, как и большинству охранников, этого было достаточно. Но иногда мы наталкивались на кого-нибудь, кто, изнывая от скуки, начинал интересоваться и цепляться к мелочам. Как вот этот теперь.

Он вновь склонился к окну, тыча в меня огромным пальцем. Он явно решил мной заняться.

«Нет, этот мне не кажется в порядке... И вообще, он шпион. Вот на кого он похож, на шпиона».

«Он нормальный парень, говорю тебе. Нормальный».

«А что же он молчит, если он нормальный?»

«Потому что он немой».

«И ты хочешь мне тут сказать, что раз он немой, он не может быть шпионом? Ты за дурака меня держишь? Ну, говори!»

«Да нет, конечно... Ну что, мы можем проехать? Нам сегодня нужно доехать до Гейльбронна».

«А, доехать до Гейльбронна... Вот разворачивайся здесь, уезжай, и доберётесь до Гейльбронна».

Лицо Нулиса посерьёзнело, что случилось в критические минуты. Сейчас как раз была такая.

«Разрешение у тебя в руке гласит, что мы продаём энциклопедию. Это образовательный проект, если ты ещё не понял».

«Здесь нигде не написано, что ты можешь приехать в часть и нас дурить, – его нос покраснел, пока он старался убедить нас в том, что мы и без него знали. – Нигде не написано, что ты

можешь въехать в часть и дурить наши прелестные отполированные задницы своими энциклопедиями».

Нулис пытался держать лицо: «Ладно тебе, там сказано, что мы имеем право продавать энциклопедию в военных частях где угодно на территории немецкого государства».

Партия была проиграна. Противник не желал уступить.

«Мы что, устроим здесь соревнование по смекалке? Ты меня испытываешь? Да? Испытываешь? Здесь нигде не сказано, что ты имеешь право въезда на территорию военной части. И на этом твое дело закрыто. Задний ход. Давай отсюда!»

Нулис выворачивал машину, ругая весь генштаб обороны, который в силу своей глупости позволял американскому охраннику запретить нам продавать Большую Цветную Энциклопедию Франклина в американских частях. Он крепко сжал пальцы в кулак, вытянул средний и помахал на прощание.

Мы бесцельно побродили по маленькому городку и стоя съели по сосиске. «А ты и вправду похож на шпиона, – сказал Нулис и предложил пойти посмотреть фильм. – Сейчас идёт новый французский с Джин Сиберг».

Мы выходили из кинотеатра, посмотрев «На последнем дыхании». Магазины закрывались, и служащие, как шальные, мчались к трамваям, велосипедам и автомобилям, пытаясь выиграть пару секунд.

Мы припарковались у «Ферлибтес Херцхен». Внутри толпились девки, шумные солдаты, разные придурки. Раз с прибылью за сегодняшний день не вышло, может, удастся какому-нибудь пьяному американцу продать энциклопедию? А может и несколькими, никогда не знаешь. Так у нас уже было.

Мы быстро утратили желание заниматься торговлей и стали играть в 165 на жребий, кто будет платить за пиво.³

Кого мы уж точно не ждали, это нашего сегодняшнего врага. Он приблизился к нам со стаканом в руке и насмешливой улыбкой.

«А, вы здесь, мои красотульки!»

«А что, и здесь есть проходная?» – спросил Нулис, тряся кости в кожаном чехле, чтобы выбросить число больше 153.

«Ты что, думаешь я не видел твой вонючий палец, которым ты мне помахал? Ты знаешь, что я могу дать тебе в харю?»

Нулис проиграл и заплатил за пиво. Все молчали. Я заказал ещё два.

«Да ладно, шучу, – продолжил тот, – иди, сядем за один стол. У меня к тебе предложение».

Мы увидели свободный стол у фонографа. У него стоял офицер-негр, непрерывно бросая в него монеты и покачиваясь в ритм выбираемых мелодий.

«Сколько, ты сказал, ты хочешь за Библию?» – спросил наш новый приятель, как только мы сели.

«Мы её не продаём, мы её дарим... Мы продаём энциклопедии», – ответил Нулис и сразу же, отбросив надменность, стал объяснять условия и выгодное предложение. С обычными уловками продавца.

«Брось. Мне не нужна энциклопедия. Меня не интересует ни одна драная энциклопедия на свете... Так что с Библией?»

«Что значит – что?»

«Я хочу купить штук десять».

«Невозможно, – жёстко ответил Нулис, но глаза его заблестели охотничьим блеском. – Они нам нужны как бонус».

³ Игра в кубики, где идеальная комбинация, которая должна выпасть – 1–6–5.

«Да ладно, не будь придурком. Ты получишь деньги».
«Говорю же, невозможно... А кроме того, они дорогие».
«Сколько?»
«Ну... понимаешь. У них есть своя цена».
«Сколько, чёрт побери?»
«Семь долларов за штуку».

Мы за них платили по доллару, а также всегда могли распространять энциклопедии без Библии. Такие случаи бывали.

«Ты, кровопийца! – солдат поставил кружку на стол. – Никакая Библия в мире не стоит семь долларов».

Нулис хладнокровно достаёт Библию из сумки, где хранились квитанции, контракты и прочие бумаги. С очень профессиональным видом.

«А вот эта, тем не менее, мой дорогой, стоит семь долларов... Посмотри! По краям страницы золото, подлинное золото, кожаный переплёт, настоящий, видишь?.. В общем, слушай. Десять я тебе не продам, если возьмёшь – то все, у нас в машине тридцать четыре экземпляра. Ты берёшь все, и мы делаем скидку».

«Скидку сколько?»
«Ну бери по пять за штуку».

«Я даю половину», – говорит американец самодовольно и уютно располагается в кресле, потягивая пиво из кружки.

В конце стойки какой-то пьяный плакал, умоляя, чтобы ему позволили убить свою любовницу.

«У тебя все деньги при себе?» – холодно спросил Нулис.
Тот вытащил ручку и стал подсчитывать на салфетке.

«Ладно тебе, – с презрением процедил Нулис, – восемьдесят пять долларов всё вместе».
Американец продолжил умножать тридцать четыре на два с половиной доллара.

«Нормально, у меня столько есть, – сказал он, как только увидел результат, и снова откинулся назад. – И если решено, то я их загружу, потому что через полчаса мне надо быть на месте».

«Где твоя машина?» – спросил Нулис.
«У двери».

Нулис резко встал, с ним и солдат.

«Сейчас я принесу наши. У меня машина на стоянке. Через пять минут вернусь, – Нулис второпях вышел уладить то, что у нас называлось «беспредметной сделкой».

Американец казался довольным. Он попросил долить пива.

«Может, ты хочешь чего? Я угощаю».

Нет, я ничего не хотел.

«Ты неразговорчивый, да? – он вернулся с полной кружкой. – Другой за тебя разводит беседы».

Я объяснил, что Нулис в этом деле лучше.

«Ерунда, никто не может быть лучше тебя самого».

Он был ходячим куском мяса. Такой самодовольный и готовый попасть к нам в когти. Вместо этого я возразил, что признавать достоинства другого есть неотъемлемая часть справедливости.

«Да ерунда, ерунда... Ну что там, что он тянет?»

Нулис показался в дверях и сделал нам знак, чтобы мы вышли. Солдат опорочил кружку до последней капли, сдвинул пилотку набок и двинулся к выходу.

Нулис велел ему подъехать к нашей машине и открыл багажник шевроле. Потом вытащил и передал три коробки, перетянутые чёрной изолентой, и четыре отдельные экземпляра.

«Десять штук в коробке и четыре. Всего тридцать четыре. Теперь ты давай».

Тот отсчитал четыре бумажки по двадцать долларов и одну в пять.

«Отлично, – Нулис с царским равнодушием положил деньги в карман. – «Знаешь, а вначале я тебя за придурка посчитал».

«А ты мне по-прежнему таким и кажешься, – парирует тот, заводя свежeweымытый автомобиль. – Единственное, в чём ты был прав, это что вот этот вот не шпион. По-моему, он голубой. И смотри, чтобы я больше тебя не видел у наших ворот, иначе ни от тебя, ни от него мокрого места не останется».

«Ладно-ладно, дружок, не злись. Ты меня больше не увидишь».

Не успел он свернуть на первом повороте, как мы умчались.

Мы заехали на стоянку, где нас ждали Святые Писания, оставленные там «на полчаса» за пять марок. Мы бросили их на заднее сиденье, заправились и уехали в зимнюю ночь.

«Ишь ты, подлец, хочет поживиться на Библии!»

Держа руль, он вытащил две двадцатидолларовые бумажки и протянул их мне.

«Мы хоть их дарим... Пять я оставляю на расходы по сделке».

Мне вспомнились воскресные вечера дома. Дед, после того как убирала со стола, не позволял мне отойти от него, пока я не выслушивал отрывок из Писания, с которым он не расставался. Он читал сам, тихим голосом, если не приближаться, так что это звучало, как непрерывная колыбельная. Я думал про свои игры, и уже час спустя ничего из этого чтения не помнил. А сегодня, если бы меня спросили, я бы рассказал всё дословно. Удивительное дело!

«Не знаю, насколько удивительное», – сказал Нулис и включил радио.

Стал накрапывать мелкий дождь вперемешку со снегом. Я до упора включил печку, а на повороте дороги показались огни близлежащего города. Их отражение.

«Наверно, ты скучаешь по старику, читающему сказки маленькому мальчику», – серьёзно произнёс он немного погодя.

1990 г.

сборник «Мне снятся друзья»

Стратегия скуки

Блестит алюминий, люминесцентные лампы и линолеумный пол. В этот безлюдный час, когда авиабилеты дешёвые, а цены таксистов кусаются, музыка из невидимых динамиков делает пространство ещё более пустым.

Бармен ночной смены ведёт себя так, словно перед ним толпа жаждущих клиентов пополуночи. Он переставляет бокалы и бутылки, бессмысленно жестикуюлируя, двигает предметы, которым давно пора бы уже отправиться на покой, то и дело самодовольно поправляет чёрную бабочку, подчёркивающую его свежесбрившее и блестящее лицо. Он чрезвычайно болтлив, стараясь поддержать у единственного клиента хорошее настроение.

Клиент, в сером свитере с треугольным вырезом и в тёмно-синем однобортном пальто, заказывает второй кофе и продолжает давить окурки на полу, игнорируя пепельницы, которые бармен подсовывает ему под зажжённые сигареты.

«Задержка рейса», – сообщает он ему с лёгкостью человека, выдавшего все виды опозданий. –»Задержка рейса... Сегодня вечером все будут задерживаться».

Клиент с неудовольствием ставит чашку. «Что ты сыплешь внутрь?» – спрашивает он, касаясь стоявшей рядом вазы с искусственными маргаритками.

«Что значит «что сыплю»? Колумбийский и немного американский».

Клиент отодвигает чашку и говорит: «Сделай мне чай».

Бармен, словно он плохо понимает иностранный язык, смотрит на него вопросительно: «Ты какой хочешь?»

«Ну если у тебя никакого нет, сделай что-нибудь другое».

Глаза бармена оживляются. «Хочешь горячее вино?.. Я сахара добавлю и ломтик корицы». Он описывает это, сам разгорячившись, как планируемый им грог, и добавляет: «Это то, что тебе надо, это лучше всего».

Одинокий гость подносит к носу край бокала, держа его за ножку, чтобы не обжечься, поднимает, как дегустатор, и рассматривает содержимое на свет. «Ты добавил тёртую корицу... Вот аромат и улетучился», – он презрительно произносит это «вот». Темнеет. Огни гаснут. Не по одному, а все сразу, словно давая знак человеку, предостерегая от его удара.. Был свет, и наступила тьма. И потом стон, крик, шёпот.

Бармен говорит: «Вот поэтому люди опаздывают». Фраза повисает без ответа, и он торопливо добавляет вслед тому, кто только что сидел перед ним: «Два кофе и вино».

Здесь и там зажигающиеся в зале спички делают пространство бара ещё темнее, и клиент, передвинувшийся немного вправо, произносит изменившимся голосом: «Если я тебе заплачу сейчас, как ты можешь быть уверен, что я тебя не обсчитаю?»

Бармен громко хохочет и, чтобы почувствовать себя увереннее, отвечает голосом Карагиозиса⁴: «Ты дай, а я их понюхаю. Я пойму по запаху...»

Стали утихать протесты тех, кто ещё ждёт задерживающегося рейса, и на их застывших лицах играют лучи света карманных фонарей службы безопасности.

«Ты здесь? – тихо спрашивает бармен, вглядываясь перед собой. – Отвечай, чёрт возьми, и перестань постоянно исчезать».

«Зажги какую-нибудь свечу... что-нибудь».

Бутылка падает, задев пару других рядом, на пол, но не разбивается .

«Где-то должен же быть фонарик».

⁴ Карагиозис (греч. Καραγιώζης) – главный персонаж традиционного кукольного театра теней в новогреческом фольклоре, эллинизированный вариант турецкого театра теней «Карагёз».

«Давай, включи его и налей что-нибудь, выпьем. Я плачу. С темнотой приходит холод», – говорит клиент туда, где ещё недавно раздавался голос бармена.

«Я не пью в это время... Если тебе холодно, говори. Говори сам, говори со стойкой», – отвечает бармен и размещает сверху на высоком бокале фонарик. Приглушённый свет, отражаясь на потолке, освещает два лица.

«Батарейка просрочена, что твоя корица, – произносит посетитель, убирает фонарик с бокала и кладёт его на стойку, освещая полки с бутылками. – Ну так что с тем напитком? Принесёшь?»

Фонарик медленно гаснет, и бармен говорит: «Вот поэтому я боюсь самолётов, чёрт побери, и не хочу работать по ночам».

Бутылка звенит во мраке, пока он ищет бокалы.

«Что это мы пьём? – спрашивает клиент и поглаживает бутылку, будто она ему выдаст секрет.

«Я боюсь, что у меня... Я боюсь».

«Да ну, брось, – отвечает клиент со скукой. – Все мы однажды умрём».

«От этого легче, что ли?.. Если ты мёртвый, всё кончено. Ты уже ни о чём не можешь пожалеть. И мне это не нравится».

На некоторое время воцарилась тишина. Её прервал короткий шлепок губами посетителя, который вдруг произнёс: «Ты уверен, что бутылка была полной? Наливаю-наливаю и ничего не пью!»

«Понятия не имею, – равнодушно ответил бармен. – Ты отмечаешь, сколько ты выпил?»

«Я? Ты же всё время держишь бутылку».

Бармен зажёл сигарету, держа спичку в руке, пока она не погасла. «Кого ты сказал, ты ждёшь?» – спросил он, глубоко затягиваясь, словно кончик зажжённой сигареты мог осветить тёмную комнату.

«Никого, – ответил его гость. – Я пишу книгу... Действие в главе, в первой главе, происходит в аэропорту ночью».

«А почему? Что такого в аэропортах ночью?»

«Ну вот а сейчас, к примеру? Такой вот абсурд!»

«Так ты журналист, да? – вздохнул бармен. – Тоже профессия!»

«Кто-то же должен», – произносит писатель, великодушно не обращая внимания на путаницу в профессиях.

«Вот и я говорю. Это такая работа, про которую думаешь – слава Богу, что её делает кто-то другой».

«Скажи-ка, ты, может, хочешь меня оскорбить?» – резко спрашивает писатель.

«И в мыслях не имел, – говорит бармен, и слышится звук новой бутылки, которую он ему пододвигает, недооценив высоту стойки. – Я просто хочу сказать, что в темноте мало что удаётся».

Те немногие, кто кроме них ещё сидят в зале, разом замолчали. Только синие отражения спящих фар автомобилей, мчащихся по шоссе, напоминали об их присутствии.

«Скажи-ка, – спрашивает бармен, – что ты обо мне думаешь?... Не сейчас, конечно, а вот до того, как ты меня увидел... Думаешь, я дурак? Я вот тебя спрашиваю, потому что у вас, у журналистов, есть чутьё, и вам видно, когда человек – дурак... Вот сейчас, к примеру, когда я с тобой веду философские беседы, ты можешь представить, какое у меня выражение лица, где руки? Можешь ты вообразить, что сейчас, вот в эту самую минуту, мы с тобой вот говорим, а тут за стойкой стоит на коленях изумительная возрожденческая красotka – знаешь, такая, с мелко завитыми волнистыми пышными тёмно-каштановыми волосами, с тонко очерченными губами – она стоит тут на коленях, и соски её груди – знаешь, такого редко-вишнёвого цвета – прикасаются к складкам моих брюк из ворса, и от того, как её окрашенные в розовый ногти

скользят по моему паху, можешь ты вообразить, я тебя спрашиваю, насколько она обезумела от любви, что ждёт её за ширинкой моих обтягивающих брюк?»

Писатель, или то, что должно быть в темноте писателем, молчит.

«Что ты вообще, бедняга, можешь вообразить, – бармен шепчет, перегнувшись через стойку и выделяя каждое слово, – ты при включённом-то свете не представишь, где уж тебе теперь?»

Свет медленно зажигается снова, прерывисто и с коротким визжащим шумом люминесцентных ламп. Пассажиры, кажется, выходят из летаргического сна или глубокого запоя. Делают пару шагов на месте, удивляясь, что тело ещё стоит на двух ногах, трогают голову и со смешанными чувствами находят её на своём месте.

К месту, где стоял клиент, подходит полицейский и спрашивает бармена, указывая на пол: «Это что здесь?»

«А я откуда знаю», – отвечает тот, небрежно выглядывая изза стойки. «Какой-нибудь писатель оступился в темноте», – добавляет он равнодушно, собирая бутылки и стаканы.

«Ты какой дрянью его напоил? – спрашивает полицейский, пытаясь поднять тело. – Воняет так, словно он тут опорожнился».

«Есть придурки, которые в нужный момент сдают. Ни лишнего стакана, ни беседы, ни красивого образа».

«Заткнись и помоги мне».

Бармен выходит из-за стойки и вместе с полицейским подхватывает клиента под руки. «Таким дома надо сидеть. Нечего бродить по ночам».

Они тащат бесчувственное тело и сажают его на разодранный пластмассовый стул со сломанной ножкой, приклеенными жвачками и прожжёнными следами окурков на ручках.

«Здесь он, по крайней мере, никому не помешает, – бормочет бармен и добавляет вслед удаляющемуся полицейскому, – сделать тебе кофейку?»

Тот какое-то время смотрит на него в нерешительности и поспешно сквозь зубы цедит: «Только двойной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.